

К вопросу о тождестве статуса родителей и усыновителей

А.В. Гринева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Сложные и с нравственной, и с правовой сторон отношения родительства в современных условиях развития общества нуждаются в переосмыслении. Правоотношения, основанные на кровнородственной связи между родителями и детьми, и правоотношения, возникающие вследствие усыновления ребенка, в условиях действующего законодательства не могут быть аналогичными с точки зрения равенства статусов субъектов, содержания данных правоотношений и оснований прекращения. Автор подчеркивает их уникальность, равно как и необходимость совершенствования законодательства для дальнейшего отождествления соответствующих правоотношений. Целью исследования выступает определение тождества статуса родителей и усыновителей через правоотношения по воспитанию и содержанию ребенка кровными родителями и усыновителями. Методологию исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, а так же формально-юридический метод. В статье предполагается, что усыновление имеет публично-правовой характер, представляя собой форму реализации публичного интереса в обеспечении прав и интересов детей, лишенных попечения родителей по различным причинам. Сделаны выводы, что правоотношения по воспитанию и содержанию детей кровными родителями и усыновителями не могут быть признаны тождественными ввиду публично-правовой природы усыновления. Автор считает возможной аналогию моделей семейного воспитания, но при условии установления в СК РФ императивных предписаний. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейшей научной деятельности, а также в судебной практике.

Ключевые слова: *родительство, усыновители, семейно-правовая связь, родительские правоотношения, семейное законодательство, личные неимущественные правоотношения, интересы ребенка, согласие на усыновление, частный интерес, публичный интерес, усыновление.*

Семейные правоотношения, возникающие вследствие усыновления ребенка, традиционно ассоциируются с так называемыми «обычными» правоотношениями между родителями и их кровными детьми. Действительно, социально-правовая характеристика усыновления дает для этого соответствующие основания. Однако нельзя не признать, что длительное время в нашем обществе было принято скрывать факт усыновления. При этом, на наш взгляд, это происходило вовсе не с целью заботы об интересах усыновленного ребенка. В советский период

единственной причиной (за редким исключением усыновления родственниками ребенка в случае гибели его родителей) усыновления были медицинские показания, невозможность мужчины и (или) женщины иметь собственного ребенка. В настоящее время усыновители в большинстве своем не только не скрывают то, что они усыновили ребенка (детей), но и пропагандируют данную форму семейного воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. Зачастую ребенка усыновляют супруги, у которых уже есть общие несовершеннолетние дети, но, обладая материальными возможностями и родительским потенциалом, граждане осознанно принимают в свою семью чужого ребенка.

Конституционный Суд Российской Федерации в одном из постановлений отметил: «Вместе с тем тайна усыновления не является обязательным условием любого усыновления. Хотя чаще всего усыновители, принимая ребенка в семью, стремятся к тому, чтобы никто, в первую очередь сам усыновленный, не знал, что они не являются его настоящими родителями, и стремятся факт усыновления оставить в тайне, в ряде случаев – исходя из представления о том, что каждый вправе знать правду о своем происхождении, о кровных родителях, об имени, полученном при рождении, и т.д. – они могут посчитать целесообразным не скрывать от ребенка, что он усыновлен. К тому же, если ребенок помнит своих кровных родителей, усыновление вообще не представляет для него тайну» [6].

Как известно, законодатель исходит из полного отождествления правовых последствий усыновления с фактом рождения ребенка. В силу п. 1 и 2 ст. 137 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [3] усыновленные дети и их потомство по отношению к усыновителям и их родственникам, а усыновители и их родственники по отношению к усыновленным детям и их потомству приравниваются в личных неимущественных и имущественных правах и обязанностях к родственникам по происхождению. Кроме того, по общему правилу, усыновленные дети утрачивают личные неимущественные и имущественные права и освобождаются от обязанностей по отношению к своим родителям (своим родственникам).

Аналогия родительского правоотношения, основанного на кровнородственной связи, и родительского правоотношения, обусловленного фактом усыновления, прослеживается и в иных источниках нормативного характера. Так, в соответствии со ст. 257 Трудового кодекса Российской Федерации работникам, усыновившим ребенка, предоставляется отпуск по уходу за ребенком [4]. Материнский (семейный) капитал и иные формы дополнительных мер государственной поддержки предоставляются и тем родителям, в семье которых воспитывается усыновленный ребенок [5]. Этот перечень может быть продолжен, однако нет необходимости упоминания иных

актов, поскольку законодатель демонстрирует единый подход к регулированию отношений, связанных с воспитанием ребенка (детей) в семье. Безусловно, в подобных ситуациях гражданин должен подтвердить факт усыновления, чтобы получить соответствующие льготы, распространив при этом на представителей работодателя, службы социальной защиты и т.п. режим обеспечения тайны усыновления [9], предусмотренный ст. 139 СК РФ.

Обращает на себя внимание то, что соответствующие нормы, несмотря на презюмирование тайны усыновления и тождество названных нами видов правоотношений по воспитанию ребенка в семье, в перечень субъектов тех или иных отношений включают наряду с родителями и усыновителей. Кстати, это имеет место и в тех положениях, которые непосредственно регламентируют обязанности лиц, ответственных за воспитание ребенка. Например, в ст. 1073 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ) установлено: «За вред, причиненный несовершеннолетними в возрасте до четырнадцати лет, отвечают их родители (усыновители) или опекуны, если не докажут, что вред возник не по их вине».

Заметим, что и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, разъясняя особенности применения законодательства при рассмотрении различных категорий дел, затрагивающих интересы несовершеннолетних членов семьи, тоже наряду с родителями указывает и усыновителей.

По нашему мнению, правоотношения, основанные на кровно-родственной связи между родителями и детьми, и правоотношения, возникающие вследствие усыновления ребенка, в условиях действующего законодательства не могут быть аналогичными с точки зрения равенства статусов субъектов, содержания данных правоотношений и оснований прекращения. В рамках настоящей статьи считаем возможным обратить внимание коллег на некоторые моменты, характеризующие самостоятельность и уникальность названных видов правоотношений. В то же время вполне обоснованным видится попытка отождествления соответствующих правоотношений, что, на наш взгляд, реально лишь при условии совершенствования положений действующего законодательства.

Прежде всего, отметим уникальную особенность правоотношений по воспитанию усыновленного ребенка, поскольку закон допускает множественность субъектов, обладающих и правами, и обязанностями по воспитанию и содержанию ребенка. Так, согласно п. 3 ст. 137 СК РФ при усыновлении ребенка одним лицом личные неимущественные и имущественные права и обязанности могут быть сохранены по желанию матери, если усыновитель – мужчина, или по желанию отца, если усыновитель – женщина.

Да, согласимся, такой вариант «создания семьи» маловероятен в действительности, однако моделирование соответствующего родительского правоотношения при наличии к тому нормативных предпосылок сопровождается множеством вопросов. Единственный вариант осуществления родительских прав в такой ситуации может быть соотнесен со ст. 66 СК РФ, поскольку один из родителей будет проживать отдельно от ребенка.

Однако в п. 3 ст. 137 СК РФ нет указания на то, что мать или отец усыновляемого ребенка являются единственным родителем, в связи с чем можно дойти до абсурда и сохранить личные неимущественные и имущественные правоотношения с одним из родителей при наличии второго.

Привлекает внимание в этом плане и п. 4 ст. 139 СК РФ, норма которого допускает сохранение по просьбе родителей умершего родителя (дедушки или бабушки ребенка) личных неимущественных и имущественных отношений между ребенком и родственниками умершего родителя. Однако, в отличие от п. 3 этой же статьи здесь содержится оговорка «если этого требуют интересы ребенка». Безусловно, при решении вопроса о сохранении правоотношений с одним из родителей суд также будет руководствоваться интересами ребенка, но прямое указание отсутствует. Кстати, в юридической литературе большинство авторов соотносит просьбу родителей умершего родителя с сохранением их, то есть бабушки и дедушки, личных прав и обязанностей по отношению к усыновляемому ребенку, в то время как в п. 4 ст. 137 СК РФ речь идет о родственникам умершего родителя без какого-либо исключения.

Полагаем возможным провести сравнительную характеристику правоотношений по воспитанию ребенка кровными родителями и правоотношений по воспитанию ребенка усыновителями, обратившись к отдельным точкам динамики данных правоотношений.

Прежде всего, логичным будет обращение к вопросу записи о родителях в актовой записи о рождении ребенка. И уже здесь мы отмечаем особенность правового положения усыновителей, поскольку законодатель допускает вариант наделения их полным объемом родительских прав при сохранении прежней актовой записи о родителях усыновленного ребенка.

Согласно ст. 136 СК РФ только по просьбе усыновителей суд может принять решение о записи их в качестве родителей усыновленного ими ребенка. Очевидно, что усыновители намерены и фактически, и формально стать для ребенка родителями, поэтому как само собой разумеющееся в заявлении об усыновлении указывается и просьба внести сведения об усыновителях в запись о рождении ребенка. По общему правилу, для внесения таких изменений необходимо согласие усыновляемого ребенка, достигшего возраста десяти лет. Лишь в том

случае, когда ребенок до подачи заявления об усыновлении проживал в семье усыновителя и считает его своим родителем, согласие ребенка может не испрашиваться (п. 2 ст. 132 СК РФ).

Но, как уже было отмечено выше, правовые последствия в части «приравнивания» в личных неимущественных и имущественных правах и обязанностях усыновленных и их потомства, с одной стороны, и усыновителей и их родственников, с другой стороны, к родственникам по происхождению, возникают независимо от записи усыновителей в качестве родителей (п. 6 ст. 137 СК РФ).

Представляется, что такой подход законодателя к организации модели правоотношения между усыновленным и усыновителем свидетельствует о четком разграничении исследуемых нами правоотношений по воспитанию ребенка в семье.

Согласно ст. 47 СК РФ права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке, соответственно, ст. 48–51 СК РФ определяют порядок установления происхождения ребенка и удостоверения соответствующего факта в форме записи о родителях, а ст. 52 СК РФ предусматривает порядок оспаривания соответствующей записи. При записи усыновителей в качестве родителей предполагается, что такая запись не может быть оспорена. Более того, такой вопрос даже не ставится на обсуждение при отмене усыновления.

В соответствии с п. 1 ст. 143 СК РФ при отмене усыновления взаимные права и обязанности усыновленного ребенка и усыновителей (родственников усыновителей) прекращаются и восстанавливаются взаимные права и обязанности ребенка и его родителей (его родственников), если этого требуют интересы ребенка. Буквальное толкование данной нормы позволяет предположить различные варианты: запись усыновителей в качестве родителей может быть сохранена, если восстановление прав и обязанностей родителей и ребенка будет противоречить интересам последнего; запись также может быть сохранена, если родители ребенка умерли и т. п. Учитывая, что в силу п. 2 этой же статьи при отмене усыновления ребенок по решению суда передается родителям, то, очевидно, суд может принять решение и о внесении соответствующих изменений в запись о родителях ребенка.

Несмотря на отсутствие каких-либо предписаний в СК РФ, Пленум Верховного Суда РФ в п. 21 постановления от 20.04.2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» разъясняет: «Исходя из положений статьи 46 Федерального закона от 15 ноября 1997 года № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» суду следует также решить вопрос о восстановлении первоначальных сведений о месте и дате рождения

ребенка, о его родителях, если эти сведения были изменены по просьбе усыновителей»[7].

Таким образом, при отсутствии какого-либо спора суд, удовлетворяя иск об отмене усыновления, беспелляционно принимает решение и об исключении сведений об усыновителях как о родителях ребенка в записи о его рождении.

Возвращаясь к заявленному законодателем тождеству прав и обязанностей родителей и усыновителей по отношению к детям, полагаем возможным утверждать о применении в полной мере положений гл. 12 СК РФ к отношениям между усыновителем и усыновленным. Ненадлежащее осуществление прав и обязанностей по воспитанию и содержанию ребенка выступает основанием для применения мер семейно-правовой, административной и уголовной ответственности.

Как известно, родители могут быть ограничены или лишены родительских прав, а при непосредственной угрозе ребенок может быть отобран у родителей в административном порядке (ст. 77 СК РФ). Учитывая, что усыновители фактически приобретают статус родителей, а при сохранении тайны усыновления это вообще ни у кого не вызывает сомнений, при применении мер семейно-правовой ответственности возникает коллизия. Законодатель прямо называет субъектов – «родители (один из них)», означает ли это, что усыновители могут остаться безнаказанными?

Пленум Верховного Суда РФ в п. 10 постановления от 14.11.2017 г. № 44 допускает применение аналогии закона и возможность предъявления в суд иска об ограничении усыновителей в правах родителей, приобретенных ими в результате усыновления ребенка. Очевидно, да, для применения аналогии есть все основания, и принятие решения об ограничении родительских прав усыновителей будет соответствовать интересам ребенка.

В п. 14 этого же постановления Пленум Верховного Суда РФ подчеркивает, что и лишить родительских прав усыновителей тоже нельзя, но при наличии оснований, предусмотренных в п. 1 ст. 141 СК РФ, суд вправе отменить усыновление.

Заметим, что перечень оснований для лишения родительских прав и перечень, оснований, при наличии которых суд может отменить усыновление, частично совпадают. Безусловно, исходя из интересов ребенка суд может отменить усыновление и в силу других обстоятельств, в том числе и при совершении усыновителем преступлений, указанных в ст. 69 СК РФ.

Однако, очевидно, что совершенно не случайно в ст. 141 СК РФ основания для отмены усыновления распределены по двум пунктам. В п. 1 почти в полном объеме воспроизведен перечень оснований для лишения родительских прав, для применения которых, полагаем, нет

необходимости выяснять мнение ребенка. В п. 2 ст. 141 СК РФ, на наш взгляд, обозначена совершенно иная категория оснований, характеристика которых должна быть обязательно соотнесена с интересами и мнением ребенка (обращение к ст. 57 СК РФ позволяет утверждать, что речь идет о мнении ребенка старше десяти лет). Как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ в п. 19 постановления от 20.04.2006 г. № 8: «Суд вправе отменить усыновление ребенка и при отсутствии виновного поведения усыновителя, когда по обстоятельствам, как зависящим, так и не зависящим от усыновителя, не сложились отношения, необходимые для нормального развития и воспитания ребенка. К таким обстоятельствам, в частности, можно отнести отсутствие взаимопонимания в силу личных качеств усыновителя и (или) усыновленного, в результате чего усыновитель не пользуется авторитетом у ребенка либо ребенок не ощущает себя членом семьи усыновителя; выявление после усыновления умственной неполноценности или наследственных отклонений в состоянии здоровья ребенка, существенно затрудняющих либо делающих невозможным процесс воспитания, о наличии которых усыновитель не был предупрежден при усыновлении».

Позволим себе не согласиться с позицией Пленума ВС РФ по следующим моментам:

– во-первых, виновное поведение усыновителя отсутствует лишь при обстоятельствах, которые от него действительно не зависят, т. е. при обнаружении у ребенка заболевания, о котором не было известно при усыновлении;

– во-вторых, усыновитель, который принял на себя ответственность за воспитание ребенка, всегда виновен в том, что не сложились отношения с ребенком, что усыновитель не пользуется авторитетом и т. п.

Возможность отмены усыновления по названным и аналогичным основаниям в порядке применения п. 2 ст. 141 СК РФ выступает своеобразным водоразделом в попытке отождествления правоотношений по воспитанию ребенка родителями и правоотношений, где ребенка воспитывает усыновитель.

И акцент на виновном поведении усыновителя нами сделан совершенно не случайно. Ведь только в том случае, если усыновление было отменено по вине усыновителя, для последнего наступают относительно неблагоприятные последствия, например, он не может впоследствии быть усыновителем, опекуном или попечителем (п. 1 ст. 127, п. 3 ст. 146 СК РФ).

Родители, которые изменили свое поведение и отношение к воспитанию ребенка в лучшую сторону, могут обратиться в суд с иском об отмене ограничения родительских прав или о восстановлении в родительских прав (ст. 72, 76 СК РФ). Это означает, что государство

дает родителям шанс восстановиться с ребенком, продемонстрировать свое ответственное отношение к воспитанию и содержанию несовершеннолетнего.

Что же касается усыновления, то восстановление усыновителей в правах родителей не предусматривается. Именно в этом, на наш взгляд, и заключается особенность применения данной формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Государство не проводит аналогии с родительским правоотношением, не рассматривает ни при каких условиях возможность восстановления статуса усыновителей в отношении конкретного ребенка. Но, абсурд, при отсутствии установленной судом вины усыновителя в отмене усыновления он вполне может претендовать на усыновление в будущем другого ребенка (детей).

Интересным для исследования, на наш взгляд, представляется вопрос прекращения рассматриваемых нами правоотношений, при этом сравнительная характеристика опять-таки позволяет сделать ряд выводов.

Правоотношения по поводу воспитания и содержания несовершеннолетних детей, при этом не имеет значения, о родителях либо усыновителях идет речь, по общему правилу, прекращаются по достижении ребенком совершеннолетия или в случае приобретения им полной дееспособности ранее восемнадцатилетия (п. 2 ст. 61 СК РФ). Не стоит забывать об алиментных обязательствах в отношении совершеннолетних нетрудоспособных детей, которые возложены законом на родителей (ст. 85 СК РФ), а также об обязанности совершеннолетних детей содержать своих родителей (ст. 87 СК РФ). Очевидно, в полной мере такие обязательства имеют место и при усыновлении ребенка.

Ограничение и лишение родительских прав не освобождает родителей от выплаты алиментов, как и при других обстоятельствах, свидетельствующих об отсутствии родительского попечения. Передача ребенка под опеку (попечительство), в приемную или патронатную семью также не лишает его права на получение алиментов от родителей.

Усыновление, как правило, влечет прекращение всех правоотношений между родителями и ребенком. В том же случае, если один из родителей заявил о сохранении личных неимущественных и имущественных прав по отношению к ребенку, он по-прежнему будет обязан принимать участие и в содержании ребенка.

В п. 17 постановления от 20.04.2006 г. № 8 Пленум Верховного Суда РФ указывает: «Если с родителя усыновленного ребенка до вынесения решения об усыновлении в судебном порядке взыскивались алименты, он в соответствии с пунктом 2 статьи 120 СК РФ освобождается от их уплаты. Этот вопрос решается судом по просьбе родителя, обязанного уплачивать алименты, по правилам ст. 440 ГПК РФ, предусматривающей порядок прекращения исполнительного

производства, поскольку вступившее в законную силу решение суда об усыновлении является безусловным основанием к прекращению выплаты алиментов».

Особым основанием для прекращения правоотношений по воспитанию и содержанию несовершеннолетнего усыновленного ребенка наряду с достижением им возраста совершеннолетия или более ранним наступлением полной дееспособности выступает отмена усыновления.

Отмена усыновления, на первый взгляд, имеет такие же последствия, как и лишение родительских прав с точки зрения обязанности бывшего усыновителя по содержанию бывшего усыновленного. В соответствии с п. 4 ст. 143 СК РФ «Суд исходя из интересов ребенка вправе обязать бывшего усыновителя выплачивать средства на содержание ребенка в размере, установленном статьями 81 и 83 настоящего Кодекса».

К сожалению, материалы соответствующей судебной практики не находятся в свободном доступе, в связи с чем можем лишь предположить, что суд все-таки применяет данную норму, если того требуют интересы ребенка.

Полагаем значимым указать на то, что при лишении родительских прав вопрос о взыскании алиментов на ребенка, как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ, решается независимо от того, предъявлен ли такой иск [8].

Таким образом, в отношении родителей, лишенных родительских прав, продолжает действовать конституционная обязанность по содержанию своих несовершеннолетних детей, при отмене же усыновления подобные последствия могут наступить, если соответствующий вопрос станет предметом судебного рассмотрения.

Прекращение правоотношений между родителями и детьми вопреки сложившемуся мнению, может иметь место только в одном случае – смерть ребенка или родителей (одного из них), потому как даже при лишении родительских прав родители сохраняют обязанность по содержанию ребенка, а ребенок сохраняет ряд имущественных прав, основанных на факте родства с родителем; даже при усыновлении ребенка возможно сохранение личных неимущественных и имущественных прав с родителями.

Таким образом, как бы ни складывались отношения между родителями и детьми, кровная связь и соответствующая семейно-правовая связь будет иметь значение как при жизни, так и после смерти каждого из них. Дети и родители не могут отказаться друг от друга ни при каких обстоятельствах, за исключением ситуации, когда родители дают согласие на усыновление ребенка.

И в советский период, и в настоящее время представители науки семейного права в большинстве своем солидарны с таким подходом к

пониманию сути согласия родителей на усыновление ребенка. Так, Е.М. Ворожейкин определял согласие как «волевой акт, представляющий собой добровольный отказ от родительских прав и обязанностей» [11]; по мнению Н.Н. Тарусиной, согласие родителей на усыновление «означает своеобразный отказ от родительства, вопреки общему правилу о невозможности такового» [15]. В то же время есть и противники, так, О.И. Сочнева утверждает категорично: «Нормы главы 12 СК, регулирующие правоотношения родителей и детей, не содержат указания на возможность отказа от родительских прав ни в одностороннем порядке, ни по соглашению между ними» [14].

Безусловно, родители могут отозвать согласие, данное ими на усыновление своего ребенка, до вынесения судом соответствующего решения (п. 2 ст. 129 СК РФ). Однако, по нашему мнению, такое согласие представляет собой отказ от намерения осуществлять свои родительские права и обязанности в отношении конкретного ребенка, следовательно, фактически это отказ от ребенка.

Некоторые авторы полагают: «Как видно, отмена усыновления все же имеет сходство с лишением родительских прав. Отличие заключается в том, что причины психологического характера (невозможность дальнейшего совместного проживания, длительное отсутствие адаптации ребенка в семье и пр.) не могут прекратить родство, но могут прекратить усыновление. Фактически перечень оснований ничем не ограничен, из чего следует, например, что усыновителя (в отличие от родителя) невозможно заставить проживать с нелюбимым ребенком. С большой долей вероятности можно говорить о том, что атмосфера неприязни рано или поздно повлечет за собой отмену усыновления» [10].

Мы выражаем полную солидарность с высказанным мнением в той части, что отмена усыновления не просто вероятна, но она в полной мере будет соответствовать интересам усыновленного ребенка. Однако, полагаем, что ни в коем случае нельзя снимать с усыновителей вину за сложившуюся ситуацию. Усыновители должны предпринимать все меры для установления психологического контакта с ребенком, в противном случае отмена усыновления будет обоснована виновным их поведением.

Принципиальное отличие семейных правоотношений, основанных на факте усыновления, кроме всего прочего, заключается и в том, что по соглашению между усыновителем и усыновленным может быть принято решение об отмене усыновления даже после достижения усыновленным совершеннолетия (ст. 144 СК РФ).

Не исключено, что и до достижения совершеннолетия усыновители раскроют ребенку тайну усыновления, хотя это, на наш взгляд, должно быть осознанным шагом усыновителей с точки зрения эмоциональных и возможных правовых последствий. Не стоит забывать и о том, что

ребенок, достигший возраста четырнадцати лет, может самостоятельно обратиться в суд с требованием об отмене усыновления (ст. 142 СК РФ).

Кстати, Кодекс Республики Беларусь о браке и семье предоставляет право усыновленному ребенку, достигшему совершеннолетия либо приобретшим ранее полную дееспособность, получить сведения, касающиеся его усыновления (ч. 4 ст. 136), независимо от согласия на то усыновителей.

Полагаем значимым отметить и сохранение преимущества интересов родителей усыновленного ребенка, что прямо предусмотрено в ст. 142 СК РФ: среди иных лиц, обладающих правом требовать отмены усыновления, названы и родители ребенка.

Это еще один аргумент, обосновывающий тезис о невозможности полного отождествления правоотношений между усыновителем и усыновленным с моделью родительского правоотношения, основанного на кровном происхождении.

Позволим себе не согласиться с Е.Г. Комиссаровой, утверждающей о прямой взаимосвязи тайны усыновления и аналогии статуса усыновителя и родителя. «Современный российский законодатель, твердо придерживающийся правила двух родителей (с чем мы тоже не согласны, но это уже совсем другая история – А.Г.), признает исключительно закрытое (полное, конфиденциальное, секретное) усыновление. Только в этом случае у усыновителей ребенка может возникнуть такой же статус, который изначально зафиксирован для естественных родителей с их совпадающими биологическими, генетическими и социальными признаками» [12].

Вызывают возражения и предложения О.И. Сочневой [14], Т.В. Красновой [13] скорректировать редакцию ст. 129 СК РФ, указав, «права и обязанности родителя, давшего согласие на усыновление (удочерение), сохраняются до фактического усыновления (удочерения), за исключением случаев, когда ребенок в установленном законом порядке помещен на полное государственное обеспечение. ... Такой подход, на наш взгляд, создаст большую определенность в правовом статусе ребенка, от которого родители отказались, а во-вторых, позволит исключить злоупотребления со стороны родителей, произвольное толкование ими своего статуса в таких случаях».

Представляется, что вовсе не тайна усыновления является камнем преткновения в данной дискуссии. Проведенное нами исследование позволяет предположить публично-правовой характер модели усыновления как формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, представляющей собой форму реализации публичного интереса в обеспечении прав и интересов детей, лишенных попечения родителей по различным причинам. По нашему мнению:

– государство намеренно посредством установления правовых предписаний демонстрирует разницу формы и содержания

правоотношений, основанных на кровном родстве родителей и детей, и правоотношений, возникающих вследствие усыновления;

– законодатель презюмирует временный характер соответствующих правоотношений, устанавливая открытый перечень оснований для отмены усыновления и исключая при этом возможность «восстановления усыновителей в родительских правах»;

– возможность сохранения записи о родителях при усыновлении ребенка и предоставление родителям права требовать отмены усыновления демонстрируют приоритет прав и интересов родителей, сохранение в определенной части правовых отношений между родителями и ребенком при его усыновлении.

Таким образом, исследуемые нами правоотношения по воспитанию и содержанию детей не могут быть признаны тождественными в виду публично-правовой природы усыновления. Подтверждение этому находим и в ч. 4 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. ... Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения родителей» [1]. Государство лишь наделяет усыновителей большим объемом прав и обязанностей по воспитанию и содержанию детей, нежели опекунов (попечителей), приемных и патронатных родителей. В связи с этим усыновление является формой заботы государства об устройстве детей, лишившихся попечения родителей, и обусловлено существование такой формы воспитания исключительно публичным интересом в обеспечении семейного воспитания детей.

В то же время, не отрицая идеи усыновления как формы реализации репродуктивных прав мужчины и женщины, не имеющих возможности естественным путем зачать и родить ребенка, что в таком случае обосновывает превалирование частного интереса, представляем вполне возможной полную аналогию названных моделей семейного воспитания, но при условии установления в СК РФ императивных предписаний: усыновители должны быть записаны в качестве родителей ребенка, вследствие чего во всех правоотношениях к ним будет применяться статус «родитель», а не «усыновитель» со всеми правовыми последствиями, при этом тайна усыновления может быть раскрыта.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ (ред. от 28.12.2022 г.) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.06.2015 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.04.2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Порядок предоставления отпусков работникам, усыновившим ребенка, утв. Постановлением Правительства РФ от 11.10.2001 г. № 719 (ред. от 02.06.2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

10. Семейное право / Б.М.Гонгало, П.В.Крашенинников, Л.Ю.Михеева, О.А.Рузакова; под ред. П.В.Крашенинникова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2022. 320 с.

11. Ворожейкин Е.М. Семейные правоотношения в СССР. М.: Юрид. лит., 1972. 335 с.

12. Комиссарова Е.Г. Родительство как семейно-правовое явление: теоретический взгляд на действующие нормативные истоки // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 6 (187). С. 19–33.

13. Краснова Т.В. Лишение родительских прав: концептуальные ошибки законодателя и проблемы правоприменительной практики // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 3 (44). С. 143–152.

14. Сочнева О.И. К вопросу о правовой природе и юридическом значении согласия родителей на усыновление ребенка // Социально-юридическая тетрадь. Научный журнал. 2019. № 9, С. 174–192.

15. Тарусина Н.Н. Семейное право: Очерки из классики и модерна. Ярославль, 2009. 615 с.

Об авторе:

ГРИНЕВА Анна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (305040, Курская область, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94), SPIN-код: 2936-2603, AuthorID: 1167570, e-mail: annagrin@rambler.ru

On the issue of the identity of the status of parents and adoptive parents

A.V. Grineva

Southwest State University, Kursk

Complex relationships of parenthood, both from a moral and legal perspective, require rethinking in the modern conditions of societal development. Legal relationships based on consanguinity between parents and children, and those arising from the adoption of a child, cannot be considered identical under current legislation in terms of the equality of the status of subjects, the content of these legal relationships and the grounds for their termination. The author emphasizes their uniqueness, as well as the necessity of improving current legislation for further identification of the corresponding legal relations. The goal of the research is to determine the identity of the status of parents and adoptive parents through the legal relationship for the upbringing and maintenance of a child by blood parents and adoptive parents. The research methodology was carried out on the basis of general scientific methods of analysis and synthesis, as well as the formal-legal method. The article makes assumptions about the public legal nature of the adoption model, representing a form of realization of public interest in ensuring the rights and interests of children deprived of parental care for various reasons. It is concluded that the legal relationship for the upbringing and maintenance of children by blood parents and adoptive parents can not be recognised as selfsame due to the public legal nature of adoption. The author emphasises that a complete analogy of family education models is quite possible, but subject to the establishment of imperative prescriptions in the Family Code of the Russian Federation. The results of the research can be used in further scientific activities, as well as in judicial practice.

Keywords: *parenthood, adoptive parents, family legal relationship, parental legal relations, family law, personal non-property legal relations, interests of the child, consent to adoption, private interest, public interest, adoption.*

About author:

GRINEVA Anna – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Southwest State University (305040, Kursk region, Kursk, st. 50 years of October, 94), SPIN-code: 2936-2603, AuthorID: 1167570, e-mail: annagrin@rambler.ru

Гринева А.В. К вопросу о тождестве статуса родителей и усыновителей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 16–29.

Статья поступила в редакцию 25.08.2024 г.

Подписана в печать 23.09.2024 г.